

Сердюк И. Детская смертность и точность метрического учета населения Гетманщины во второй половине XVIII в. / Игорь Сердюк // Историческая демография. Научный журнал. – Москва – Сыктывкар, 2013. – №1 (13). – С.14–18.

Демографические параметры детской смертности в Раннее Новое время довольно подробно исследованы на материалах Западной и Центральной Европы. А вот украинская историография предлагает только констатацию самого факта высокой смертности детей и ограничивается несколькими исследованиями ее размеров. На первый взгляд, подобные студии не должны вызывать существенных осложнений, ведь они имеют практический характер и могут основываться на «западных» методиках приспособленных к «нашим» источникам. Однако, специфика отдельных источников может вводить в заблуждение как на этапе вычислений размеров (коэффициентов) смертности, так и их толкований.

Следовательно, в данном исследовании я попытаюсь рассмотреть два взаимосвязанных сюжета – основные параметры детской смертности и точность (достоверность) данных исторических источников. Для подобных исследований традиционно используются метрические книги, поскольку они имеют отдельный раздел «о усопших» с указанием возраста умерших. Материалы одного прихода применяют для «продольных» исследований смертности, преимущественно в смысле ее сезонных или годовых колебаний в отдельном населенном пункте. Для «поперечного» среза необходим более массовый материал – например, сводные метрические сведения всех церквей епархии. Подобная информация является ценной, поскольку дает основания говорить о смертности на основе материала большого объема, а также сравнивать на ее значение на уровне отдельных протопопий.

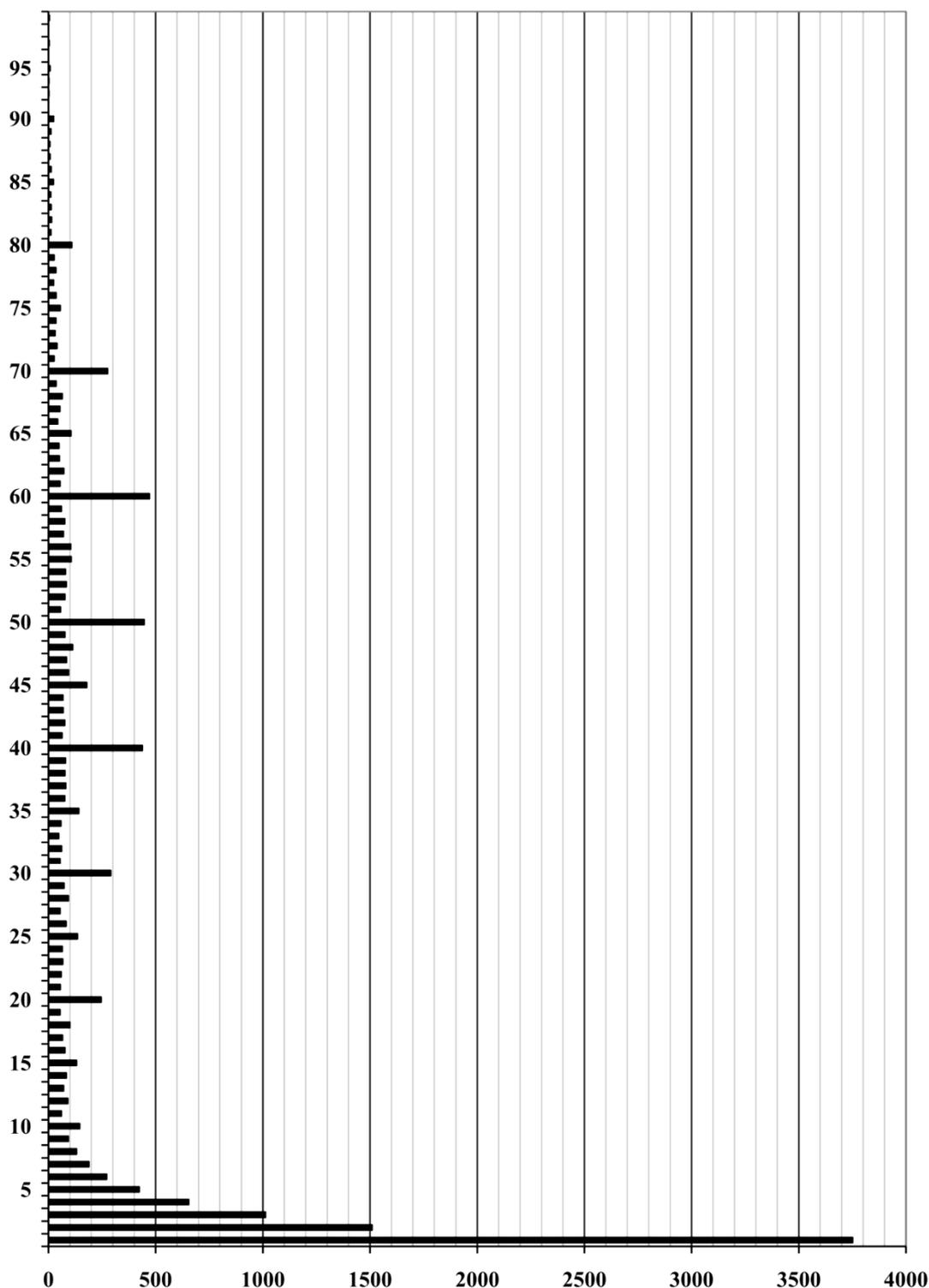
Детскую смертность и точность метрического учета попробуем рассмотреть на основании сводных метрических сведений церковью Киевской епархии за 1778 г. Дело на 58-ми листах представляет собой сводные

сведения о браках, рождения и смерти в отдельных протопопиях. В конце есть обобщающие таблицы, в том числе и информации сколько людей какого возраста мужского пола умерло в за год в 962-х приходах епархии, всего же таких значится 15040 человек [1]. Таким образом, мы имеем дело с довольно массовыми данными, уже беглый взгляд на которые позволяет получить некоторое представление о структуре смертности. Для визуализации последней воспользуемся соответствующим графиком, на оси X которого представлено число записей о смерти, а на оси Y – возраст умерших (см. *рис. 1*).

Как видим на графике, смерть в Киевской епархии была прерогативой маленьких детей. Уровень смертности прогнозируемо наибольший среди детей возрастом 1 год, далее он постепенно уменьшается и стабилизируется после 6-7 лет, что в целом соответствует так называемому парадоксу детской смертности, по которому, уровень последней резко уменьшается с каждым прожитым годом до достижения 5-летнего возраста. Необходимо заметить, что действие парадокса хорошо проявляется, прежде всего, в традиционных обществах с высокой детской смертностью, а в наше время постепенно нивелируется с развитием знаний о новорожденном, лучшим уходом и т.д. Хотя и при этом, например, в России этот парадокс был окончательно преодолен в 2002 году [2]. Соответственно в исторической демографии используется коэффициент – «вероятности дожития до пятилетнего возраста». По подсчетам Елены Замуры такой коэффициент для населения городка Сорочинцы Миргородского полка составлял 0,420 [3]. Это означает, что только 420 сорочинских детей из 1000 (то есть меньше половины) имели шансы дожить до пяти лет, иначе говоря, ребенок крещеный в Сорочинцах имел больше шансов умереть, нежели стать взрослым. Мои вычисления аналогичного коэффициента для соседнего сотенного городка Ярески в 1762 – 1766 гг. показали почти аналогичное значение – 0,460 [4].

Рисунок 1

Структура смертности населения Киевской епархии (1778 г.).

За данными источника, 24,9% всех умерших Киевской епархии составляли дети в возрасте 1 год, а 48,9% – в возрасте до 5 лет, то есть каждый 2-й умерший в епархии был ребенком до 5 лет. Годовалый возраст был своеобразной «зоной риска». Этот факт акцентирует внимание на «неонатальной смертности» (это понятие обозначает смертность детей до 28-

дневного возраста). Специальных исследований подобной смертности в Раннее Новое время найти не удалось (встречаются лишь констатации ее большого уровня), однако, даже по состоянию на 80-е гг. в странах Западной Европы доля умерших на первом месяце жизни составляет 60-80% умерших в возрасте до 1 года. Основными ее причинами считаются врожденные пороки развития, родовые травмы, асфиксии, пневмонии, диагностика и лечение которых затруднены даже сегодня [5].

Раньше такие проблемы должны были возникать чаще, хотя бы из-за неблагоприятных условий родов и уровня так называемого «акушерства». Проблема неонатальной смертности заставляет задуматься о значительном пласте детской смертности, который не был зафиксирован в учетной документации. Метрическая книга XVIII века фиксировала акт крещения, а не рождения, поэтому между этими событиями проходило определенное время (минимум неделя), за которое часть детей могла умереть. В дневнике украинских священников Кернецких (1780-е гг.), есть записи об исключительных крещения в день рождения: *«ради опасности страха смертного»* [6].

Необходимо отметить, что недоучет смерти младенцев – явление распространенное не только в раннемодерное время, но и сегодня. Размеры и причины этого явления в разные времена были разные, однако общим является воздействие на достоверность определения уровня смертности. Например, по состоянию на 2008 год уровень младенческой смертности в Украине по национальным данным составил 9,8 промилле, а по данным ВОЗ – 14 промилле [7]. Исходя из этого, повышение качества метрического учета может «повышать» и фиксируемый уровень детской смертности. Подобные тенденции могли проявляться в росте ее уровня за данными источников XIX века, когда требования к метрическому учету стали более строгими. К сожалению, в Украине подобные исследования не представлены, но показательным можем считать пример российского города Барнаул, где на

1877-1886 гг. дети возрастом до 4-х лет составляли 57,3% всех умерших [8], что существенно выше, чем в Гетманщине за сто лет до этого.

Однако, в данном случае корректнее говорить о лучшей регистрации, а не разные уровнях. Ярким свидетельством этого является ситуация в том же Барнауле. В городе выделяется Покровский приход, священники которого наиболее тщательно вели учет смертей, в частности они старались как можно точнее отразить возраст младенцев на момент смерти, о чем в частности свидетельствуют вариации записи этого возраста: «2 недели», «7 дней», «2 дня», «1 час» [9]. Следовательно, дети 0-4 лет там составляли 62,4% всех умерших. То, сравнивая размеры смертности на разных территориях и в разное время, нужно стараться отделять «мух от котлет».

Точность определения уровней смертности также зависит от правильности/неправильности указания возраста умерших. Поэтому мы приходим к другому аспекту – достоверности данных метрических книг. На этом же рис. 1 заметны всплески смертности людей, чей возраст заканчивается на 5, а особенно на 0 (назовем условно их юбилярами). Большой процент юбиляров обусловлен спецификой отношения к возрасту то время, когда человек его часто не знал, а также навеян так называемым устным счетом десятками [10].

О том, что подобные ошибки были распространенным явлением в церковной документации и церковное руководство пыталось с ними бороться, свидетельствуют митрополичьи распоряжения того времени. В частности, митрополит Арсений Могилянский своим распоряжением от 27 февраля 1759 года обязывал священников сверять возраст прихожан с предыдущими записями. Он также распорядился ежегодно прибавлять в записях по одному году, а не писать возраст со слов прихожан. Впрочем, исследования украинского историка Виталия Дмитренко, дают основания утверждать, что данный указ не привел кардинальному улучшению точности фиксации возраста исповедных росписях. Последние считаются точнее метрических книг в плане указаний возраста, однако тоже были далеки от

идеала, даже тогда, когда фиксировали семью священника, который вел записи и должен был знать возраст своих родных [11].

Наблюдения над подобными ситуациями заставили исследователей к попыткам выработки инструментария верификации учетных источников. На сегодня наиболее устоявшимся и общепринятым является так называемый индекс Уипла (Whipple index). Он служит для определения степени точности источника в зависимости от распространенности в нем юбиляров, и определяется по специальной формуле:

$$I = \frac{\sum_{k=2}^{23} Pa, \text{ что заканчивается на } 0 \text{ и } 5}{\frac{1}{5} \times \sum_{k=2}^{23} Pa} \times 100$$

где И – индекс Уипла, Pa – население. Применив формулу для сводной таблицы метрических сведений церковей Киевской епархии 1778 г. мы получим значение индекса 243. По сложившейся шкале индекс выше 175 означает очень плохое качество учетных источников и отклонения от точных данных более 75% (см. табл.1). Следовательно, можем констатировать низкую точность обобщенных метрик епархии, однако, перед тем, как «ругать» источник обратимся к сравнениям с другими документами этого же периода. К примеру, такой классический источник фискального учета населения, как Генеральное описание Полтавы 1766 года имеет индекс Уипла на уровне 360 [12].

Таблица 1.

Стандарт ООН для измерения индекса Уипла.

Индекс Уипла	Качество данных	Отклонение от идеала
<105	очень точные	<5%
105–110	относительно точные	5–9,99%
110–125	хорошие	10–24,99%
125–175	плохие	25–74,99%
<175	очень плохие	≥75%

Существенно более высокой точностью отличилась исповедные сказки Полтавы, индекс Уипла для которых в трех разных полтавских приходах составил 170, 141 и 107 [13]. Можем предположить, что разной точностью характеризуется и метрический учет в отдельных протопопиях Киевской епархии. Поэтому по приведенной выше формуле вычислим индекс Уипла для каждой протопопии отдельно, а данные занесем в таблицу (см. табл. 2). Еще раз напомним, что общий индекс Уипла для метрик киевской епархии равен 243, что свидетельствует об очень плохом качестве данных. Следовательно, не является неожиданностью, что большинство (16 из 20 протопопий) подали сведения очень плохого качества, еще 2 протопопии – Киевопечерская и Зеньковская с индексами 170,7 и 162 вышли на уровень просто «плохих», наконец, сведения Трипольской можно считать хорошими, и только Козелецкая подала очень точную информацию, о чем говорит индекс 94,2.

Далее вычислим уровень детской смертности в каждой протопопий, а результаты вычислений заносим в табл. 2. Как видно из таблицы, уровень смертности однолетних младенцев существенно отличается «на местах» от 17,7% (Глуховская) до 40,9% всех умерших (Верхнекиевская), что означает более двукратную разницу. Разница смертности детей 1–4 года в отдельных протопопиях будет меньше, если отбросить аномально большое значение Трипольской протопопии (67,5%), тогда процент будет колебаться в пределах 40,2% и 50,9%. Это уже не такая и большая разница, которая могла быть обусловлена, как, разными размерами детской смертности, так и погрешностями в вычислениях и учета.

Чтобы попытаться проследить, взаимосвязь детской смертности с точностью метрического учета (индексом Уипла), рассмотрим еще один параметр – общий уровень смертности. Поскольку источник не дает сведения о численности населения отдельных протопопий состоянию на 1778, которые необходимы для классического вычисления коэффициента смертности (число смертей на 1000 населения), определим число умерших на 100

крещенных в отдельных протопопиях (см. табл. 2), что тоже даст некоторое представление об общем уровне смертности и воспроизводства населения. Наилучшая ситуация с воспроизводством оказалась в Верхнекиевской протопопии (57,3 умерших на 100 крещеных), наихудшая – в Глуховской, где умирало 100,5 человек на 100 крещеных, а естественный прирост населения вообще был отрицательным.

Таблица 2

Качество метрических ведомостей отдельных парафий Киевской епархии и уровень детской смертности в 1778 г.

Протопопия	Индекс Уипла	Качество данных	Уровень детской смертности (% от умерших)		К-во умерших на 100 крещеных
			1 год	2-4 года	
Козелецкая	94,2	очень точные	23	41,1	65,9
Трипольская	125	хорошие	40,9	67,5	63,9
Зеньковская	162	плохие	29,7	50	64,7
Киевопечерская	170,7	плохие	21,1	40,2	72,3
Гадяцкая	192,4	очень плохие	22,1	42,7	68,9
Киевоподольская	206,4	очень плохие	37,2	51,9	72,4
Ичанская	208,3	очень плохие	23	45,9	78,9
Лубенская	239,1	очень плохие	23,2	41,9	66,3
Прилуцкая	243,8	очень плохие	29,5	50	73,4
Роменская	245,9	очень плохие	23,3	45,9	74,9
Верхнекиевская	250	очень плохие	39,6	49,7	57,3
Борзенская	268,5	очень плохие	18,9	40,2	76,8
Нежинская	272,9	очень плохие	29,9	46	66,8
Глуховская	275,8	очень плохие	17,7	44,6	100,5
Лохвицкая	278,2	очень плохие	25,3	47,4	73
Пирятинская	302,7	очень плохие	25,8	45,5	72,1
Конопотская	330	очень плохие	21,4	42,6	79,3
Воронежская	334,5	очень плохие	27,7	51,8	84,7
Ивангородская	334,9	очень плохие	22,4	46	76,1
Кролевецкая	364,1	очень плохие	24,7	49,5	84,9

Как же взаимосвязан уровень смертности с точностью метрического учета? Однозначно трудно проследить какую-то закономерность, можно только осторожно высказать некоторые предположения. Сравним структуру смертности населения Трипольской и Глуховской протопопий. Метрики первой, по индексу Уипла характеризуются хорошей точностью учета, поэтому там наблюдаем высокую долю однолетних и детей 1-4 года среди умерших, при этом, по преимуществу крещеных над умершими протопопия занимает второе место в Киевской митрополии. Иначе говоря, здесь зафиксировано наибольшее смертность детей при одной из самых относительных смертностей населения. Зато в Глуховской протопопии (которая «отстает» по точности учета) среди умерших было меньше годовалых детей, при аномальной для традиционного доиндустриального общества преобладании умерших над крещеными.

Подобная картина, отчасти, могла быть обусловлена как раз плохим учетом смертности малолетних детей (например, крестили несколько позже, и больше детей умирали некрещеными, или не фиксировали случаи «неотложных» крещений, после которых ребенок умирал и др.). Следовательно, смерти взрослых в протопопии фиксировались нормально, а крещение и успения детей – существенно хуже, что искажало структуру смертности при фиксации. При этом, в Трипольской протопопии было зафиксировано существенно больше умерших детей, вероятно, потому, что они более тщательно фиксировались при крещении, а, следовательно, и после смерти уже непременно должны были быть записанными в книгу «о усопших». Обращает внимание тот факт, что в первых трех (по точности) протопопиях общий уровень смертности (соотношение умерших и крещеных) практически одинаков – на уровне 65/100. Эти небольшие (на фоне Верхнекиевской протопопии) показатели, которые еще раз могут подтвердить специфику фиксации крещений (точнее, ближе к рождению и т.д.).

Непосредственные связи с точностью (индекс Уипла) данных отдельных протопопий и размером детской смертности проследить трудно, однако, в более «точных» протопопиях такая смертность выглядит выше. По нашему мнению, для более подробных исследований структуры смертности детей целесообразно все-таки выбирать наиболее точные протопопии и вести исследования на уровне отдельных приходо́в. Также, необходимо допускать, что данные, которые предлагает источник, подают информацию не так, «как оно было на самом деле», а так, как ее фиксировали создатели источника, поэтому простое сравнение детской смертности в разных местах может завести в заблуждение. Тем не мене, на основании данных «точных» протопопий можем отметить, что в Киевской епархии в 1778 г. из десяти умерших, каждые 4-6 были детьми до 5 лет, а каждые 2-4 - однолетние. Последние представляли большинство среди умерших детей 1-4 года, а следовательно, как это ни парадоксально, с каждым прожитым месяцем и годом малолетний ребенок становился дальше от своей смерти.

Литература

1. Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киев. – Ф.127. – Оп.1014. – Спр.65. – Арк. 57.
2. Кваша Е., Харькова Т. Смертность младенцев в России: успехи и нерешенные проблемы // Демоскоп. – №461–462. <http://demoscope.ru/weekly/2011/0461/analit04.php>
3. Замура О. Смертність в природному русі населення містечка Сорочинці і XVIII ст. (за даними метричних книг Миколаївської церкви) // Краєзнавство. – 2009. – №3. – С. 211.
4. Подсчитано за: Государственный архив Полтавской области. – Ф.1011. – Оп.1. – Спр. 157.
5. Демографический энциклопедический словарь. – М., 1985. – С. 273.
6. Щоденник Андрія та Федора Кирнецьких, священників Святомиколаївської церкви с. Ховзовки, Глухівського повіту, Новгород-Сіверського намісництва (XII.1787–1788 pp.). К., 2006. – С. 10.
7. Кваша Е., Харькова Т. Ук. соч.

8. Сарафанов Д., Спесивцева М. Некоторые аспекты изучения смертности населения Барнаула во второй половине XIX в. (по материалам базы данных "Население Барнаула") // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: Сборник научных трудов X Международной научно-практической конференции 15–16 мая 2009 г., Усть-Каменогорск. – Устькаменогорск, 2009. – С. 328–336.
9. Там само.
10. См. например: Сердюк І. Особливості відображення вікових категорій населення Лівобережної України в Румянцевському описі Малоросії // Вісник Черкаського університету. Сер. „Історичні науки”. – Черкаси, 2008. – Вип. 133–134. – С. 55–62.
11. Дмитренко В. Матеріали церковного обліку населення Київської та Переяславсько-Бориспільської єпархій як джерело з соціальної історії Гетьманщини XVIII століття: дис.... канд. іст. наук: 07.00.06. – Полтава, 2011. – Арк. 100.
12. Волошин Ю. Статеві-вікова та шлюбна структура населення міста Полтави в другій половині XVIII століття // Історична пам'ять. – 2011. – №1. – С. 7.
13. Там же. – С. 8.